

чая Н. В. Гоголя, шестнадцати книг из святоотеческого наследия. Мысль статьи следующая. В условиях надвигающегося глобального кризиса человечества необходимо формирование в России аскетически ориентированной национальной элиты, потому что все народы, не способные к самоограничению, будут вымирать. И православная аскетика, к которой относятся упомянутые шестнадцать книг, станет нашей насущнейшей потребностью [8]. Духовный и религиозно-философский потенциал Свято-Введенской Оптиной пустыни, судя по всему, еще не исчерпан.

-
1. *Кожин В. В.* Страна поэта // Наш современник. М., 1978. № 12.
 2. *Криволапов В. Н.* Оптина пустынь: ее герои и тысячелетние традиции // Прометей : ист.-биографич. альм. Сер. «Жизнь замечательных людей». Т. 16: Тысячелетие русской книжности / сост. Е. Бондарева. М., 1990.
 3. *Ареопagit, св. Дионисий.* О церковной иерархии // Писания Святых отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения: В 3 т. СПб., 1855. Т. 1.
 4. См. подробнее: *Хорунжий С. С.* Духовные основы русского старчества // Феномен русского старчества: Примеры из духовной практики старцев. М., 2006.
 5. *Дунаев М. М.* Православие и русская литература: В 6 ч. М., 1996. Ч. 2. Гл. 7.
 6. *Павлова Н.* Пасха красная: О трех Оптинских новомучениках, убиенных на Пасху 1993 года. М., 2007.
 7. *Преп. Варсонофий Оптинский.* Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма: «Венок на могилу батюшки». Козельск, 2005. (См.: Беседы).
 8. *Пичугин В.* Великий проект, или Технология выживания России в XXI веке // Наблюдения. 2005. № 4/5.

Ю. Г. Бабичева
г. Бийск

Рецепция жанровых установок творчества И. А. Гончарова в современном литературоведении

В свете повышенного внимания в современной научной среде к «диалогу культур» вновь актуализируется проблема жанра как повторяющегося во всех мировых литературах идейно-композиционного единства. В ситуации изменившихся культурно-исторических условий и мировоз-

зренческих установок она может быть рассмотрена в ракурсе жанровой модификации, когда традиционные формы, часто коррелируя между собой, обогащаются новыми элементами, значительно расширяя свои возможности.

Достаточно репрезентативным в этом отношении, на наш взгляд, является творческое наследие известного русского романиста XIX века И. А. Гончарова, внимание к которому явно обострилось в последние десятилетия XX века. Отметим, что во многом оно сосредоточено в области изучения особенностей его поэтики, художественного метода, носящего, по замечанию многих отечественных и зарубежных критиков и литературоведов, черты явного экспериментаторства на уровне формы, в том числе жанра. Классическую романную структуру Гончаров подвергает существенному видоизменению. В наши задачи не будет входить анализ отражения установок и принципов романа «об истории надежд и разочарований молодого человека» (М. Б. Храпченко об «Обыкновенной истории»), «социально-семейного» романа (он же об «Обрыве»), романа «бытового психологического с любовной интригой» (У. Фохт), «“персонального” романа испытания» (В. А. Недзвецкий о романах Гончарова), к каждому из которых разные исследователи относят четыре известных творения реалиста. Принимая во внимание саму концепцию жизни Гончарова, базирующуюся на тезисе о постепенном взрослении человека, эволюционном развитии истории в целом и отдельной личности в частности, мы ограничимся характеристикой его тетралогии в рамках жанра романа-воспитания.

Отметим, что данный вопрос освещен в одной из последних монографий известного гончарововеда Е. А. Краснощековой «Иван Александрович Гончаров. Мир творчества» (1997). Мы же позволим себе внести некоторые коррективы и несколько расширить заявленную исследователем линию жанровой рецепции, опираясь на работы и других литературоведов, выполненные в том же ключе. В связи с требованием современной науки о литературе рассматривать художественное произведение в широком культурном контексте, Е. Краснощекова пытается проанализировать роман Гончарова, вписав его в рамки различных художественных течений. Таким образом, в восприятии исследователя на первый план выходят широкие литературоведческие категории – метод и жанр, представляющие наибольший интерес и, добавим, дискуссионные в отношении творческого наследия Гончарова. Автор монографии полагает, что принципиальное значение для понимания существа романов Гончарова, в частности, «Обыкновенной истории» имеет определение жанра произ-

ведения. Прежде всего, стоит отметить, что Е. Краснощекова манифестирует писательскую самобытность Гончарова, не проходя, однако, мимо критических установок его современников по поводу творческой преемственности автора «Обломова», но и не отрицая воздействия на эволюцию писателя «его собственных художественных предпочтений» [1]. Самобытность, в частности, проявилась в новаторстве жанровой формы гончаровского романа. В первом крупном творении художника, по мнению исследователя, дали о себе знать традиции эпохи Просвещения. Отметим, что еще американский славист Мильтон Эре (Milton Erhe) находил в «Обыкновенной истории» «жанровые приметы поучительной комедии нравов и положений» с ее «абстрактностью, навязчивой симметричностью, осудительным взглядом на главный характер и концентрацией на единственной комической ситуации, которая упорно движется к заключительному разрешению» [Там же]. В интерпретации Эре Александр Адуев предстает как «более положение, из которого комедия исходит, чем характер, построенный на потенциальной психологической сложности». Подобная рецепция, на наш взгляд, достаточно субъективна и, по сути, является неверной констатацией отсутствия психологизма Гончарова. Более аргументированной позицией представляется мнение другого американского исследователя Всеволода Сечкарева о том, что Адуев-младший «подлинно романский герой», чье духовное развитие находится в центре внимания автора [Там же]. Е. Краснощекова, пытаясь обосновать свою жанровую концепцию творческого наследия русского реалиста, делает небольшой экскурс в советское литературоведение в отношении рецепции жанра первого романа Гончарова, который позиционировался прежде всего как социальный или социально-бытовой, изредка социально-философский. Современные гончароведы отходят, как показывает Краснощекова, от подобных определений, но с большой долей осторожности: определяя в целом роман как общественно-психологический, они присуждают, и небезосновательно, ему черты философского, просветительского романа, романа-воспитания, ориентируясь на основную линию произведения – перевоспитание главного героя [2]. Сама Краснощекова согласна с трактовкой «Обыкновенной истории» как романа-воспитания, но не в чистом виде, принимая во внимание сложность его разновидностей, охарактеризованных еще М. Бахтиным. В этом отношении, автор рассматриваемой монографии опровергает точку зрения англоязычного слависта Гали Димент, которая находит в первом романе Гончарова элементы сразу двух вариантов «романа становления» (в градации Бахтина): «романа воспитания» и «романа биографического», именуя его

«автобиографическим романом сосуществующего сознания», когда Гончаров использовал раздвоение своего «я» в конструировании образов, с одной стороны, Александра Адуева, с другой – его дяди, чтобы решить, по мнению англоязычного слависта, ряд задач персональных (обнаружение «внутренней автобиографии» и сокрытие «внешней») и чисто художественных (высмеивание веры в то, что последовательность событий в романе воспитания имеет что-то общее с человеческим прогрессом) [3, с. 59, 60]. Особую критику со стороны Краснощековой, стоящей на позиции того, что автор, веря в прогресс, «писал историю, повторяющуюся во все времена и на всех континентах, историю нелегкого взросления человека...», получает утверждение Димент о том, что Гончаров придал своему первому роману лишь видимость «обыкновенной истории» и выразил глубокий скептицизм по поводу убедительности общепризнанного мифа о прогрессе в развитии человека. Более того, отметим, что многие современные исследователи идут еще дальше в развитии и уточнении этой мысли, видя в произведении Гончарова пародию на все тот же роман-воспитание, и, таким образом, приближая его поэтику к постмодернистскому искусству с его явной пародийно-иронической направленностью.

В романе «Обыкновенная история» перед читателем, как полагает Краснощекова, предстает проблема возраста души. В интерпретации исследователя, образы Александра Адуева и его дяди находятся не просто в антитетичных отношениях, как, заметим, считала традиционная критика, но в значительной мере являются разными возрастными ипостасями одного характера, то есть, иными словами, представляют собой антиномии. Краснощекова, важно заметить, была не первым гончароведом, который обратил на это пристальное внимание. Еще В. Ф. Переверзев в начале прошлого столетия проводил подобную мысль. Однако современный исследователь более детально и концептуально подходит к этой проблеме. Во «Фрегате “Паллада”» внешне явное противопоставление цивилизованного Запада и восточной неразвитости переходит в сопоставление их развития с взрослением личности. Согласно идее Краснощековой, неразвитость Востока отождествляется с юностью, с еще не реализованным потенциалом. В «Обрыве» Борис Райский и Марк Волохов в рецепции исследователя предстают как единый тип, как некие двойники при всей их видимой противоположности. «Судьба Райского – это метание от одного миража к другому...», «...нигилизм Волохова – тоже своего рода мираж, призванный разрядить бунтарскую энергию обиженного на мир человека» [1]. Ту же линию воспитания гончаровед прослеживает

и в романе «Обломов», считая, что в характере главного героя «норма исказилась: не изжив до конца молодости, но и не достигнув полного взросления (совершеннолетия)» [Там же]. Нам же думается, что идейное содержание образа Ильи Ильича гораздо сложнее, поскольку характер героя содержит в себе изначально противоположные начала (и это автор наглядно продемонстрировал в «Сне Обломова»), не сводясь лишь к заявленной Краснощековой инфантильности (эмоциональной незрелости). Отсюда невозможно однозначно сказать, изображает ли автор перед нами, например, в первой главе лень или же нежелание погружаться в мелочную петербургскую жизнь. Оставаясь верной той же интерпретационной линии, которая обозначилась в отношении жанровой природы первого романа И. А. Гончарова, Е. А. Краснощекова настойчиво акцентирует внимание и на жанре «Обломова» как романе-воспитании, связывая его с традициями просветительского романа XVIII века (отражение мотива пути-дороги, противоборства инерции и движения вперед). Подобной трактовки придерживается и В. И. Мельник, отмечая явную корреляцию «Сна Обломова» с педагогическими воззрениями французского просветителя Ж.-Ж. Руссо, отраженными в его книге «Эмиль, или О воспитании». Однако заметим, что рецепция Краснощековой в этом отношении представляется более глубокой, идущей по пути конституирования смысла. Манифестируя неоднозначность отношений Гончарова и руссоизма, исследователь видит в «Сне» пародию на «Эмиля», своеобразный «Анти-Эмиль», преследующий цель показать то, как не надо воспитывать. И, как нам думается, в свете повышенного внимания современных гончароведов к проблеме экспериментаторства русского классика данная трактовка вполне обоснована. В попытке трансляции воспитательных воззрений в идейно-художественный мир «Обломова» Краснощекова порой несколько однозначно, с необоснованным привнесением «западного взгляда» смотрит, например, на то, что в «истории Штольца высказывается гончаровский идеал воспитания человека, и он во многом несет на себе функцию героя-резонера классицистской литературы» [1].

В последние двадцать лет в гончароведении, в частности, в периодической печати оживился интерес к роману «Фрегат “Паллада”» (статьи С. Н. Гуськова [4], А. Дановского [5]). Основные линии рецепции этого произведения касаются, во-первых, включения книги очерков в систему трех известных романов писателя. К примеру, упомянутый С. Н. Гуськов отмечает сходство системы персонажей «Фрегата “Паллады”» с его романами, наличие в последних автоцитат из книги путешествий [4]. Во-вто-

рых, что представляет особый интерес для нас, они касаются жанрового определения. Напомним, что уже при жизни Гончарова книгу воспринимали как «географическое сочинение», а критики и историки литературы часто возвращались к ней, чтобы воспользоваться как «исключительно биографическим материалом» [1]. Вместе с тем, ряд исследователей (Дружинин, Писарев) еще в XIX веке стали говорить о ней не как об описании путешествия, а как о чисто литературном произведении [Там же]. Эту линию активно продолжает и современное гончароведение. Так, Е. А. Краснощекова ставит акцент на художественных аспектах произведения, в частности, мастерстве Гончарова в изображении портретных характеристик, которые, по ее верному замечанию, «богаты деталями и нацелены на глубокие психологические обобщения» [Там же]. Художественность произведения опосредуется и образом самого повествователя, близкого именно романному типу героя с его сложностью и многоаспектностью восприятия. Естественное перемежение сугубо художественных эпизодов с фактическим изложением информации безоценочного плана позволяет, на наш взгляд, запустить механизм актуализации смысла читателем, способным, натолкнувшись в тексте на какое-либо упоминание об определенной ситуации, «пробудить спящие в произведении элементы к жизни» (Р. Ингарден). Е. Краснощекова анализирует «Фрегат “Паллада”» в сопоставлении с книгой Н. Карамзина, отмечая, таким образом, отражение в ней традиций жанра литературного путешествия. Причину обращения к этому жанру Гончарова исследователь усматривает во взгляде на путешествие как средство воспитания. Напомним: на воспитательном моменте произведений Гончарова ставила акцент еще критика XIX века (Д. И. Писарев), а также сама Краснощекова, проводя параллели с различными модификациями жанра романа воспитания, о чем говорилось выше.

В заключение скажем несколько слов о последнем романе Ивана Гончарова, в котором многие критики также усматривали приверженность автора мысли о воспитании как решающем факторе становления и совершенствования личности. Как писала Е. Краснощекова, Гончарова действительно интересует проявление «закона взросления» на разных этапах роста человека, однако с позиции конкретного жанра довольно цельна только лишь первая часть «Обрыва», которую можно считать романом воспитания.

Таким образом, лейтмотивом всего романного творчества Гончарова Е. А. Краснощекова определила «преодоление на путях Цивилизации» русским народом, отраженным в лице главных героев романиста, сво-

их «племенных черт». Не случайно, как убедительно показал исследователь, русский писатель проявлял столь пристальный интерес к идеям Просвещения XVIII века и творчеству Гёте, Шиллера, Руссо, Карамзина и, разумеется, тяготение к наиболее абстрактным категориям: Человеку, Прогрессу, Цивилизации и т. п. с целью воспитать, «дотянуть» их до разумного совершенства. Это во многом и определило, как обстоятельно, на наш взгляд, показала Е. А. Краснощекова, жанровые установки творчества великого русского романиста XIX века, позволяющие, по мнению литературоведа, достаточно аргументированно объяснить одновременное присутствие в прозе Гончарова и преходящего, и вневременного, по сей день делающее его творчество актуальным.

-
1. *Краснощекова Е. А.* Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. URL: http://www.goncharov.spb.ru/kras_mir_v
 2. *Глухов В. И.* О литературных истоках «Обыкновенной истории» // Материалы междунар. конф., посв. 180-летию со дня рожд. Гончарова. Ульяновск, 1994.
 3. *Diment G.* The Autobiographical Novel of Co-Consciousness: Goncharov, Woolf and Joyce. Gainesville, 1994.
 4. *Гуськов С. Н.* Любимое дитя Гончарова: Книга очерков «Фрегат “Паллада”» // Лит. в школе. 2003. № 5.
 5. *Дановский А.* Фрегат «Паллада» И. А. Гончарова – очерковая эпопея путешествия // Лит. учеба. 2004. № 5.